

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-28-34

ЗНАЧЕНИЯ МОДАЛЬНО-ВОЛЕВЫХ ЧАСТИЦ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

Долгова Н.Г.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается комплекс субъективно-модальных значений, присущих модально-волевым частицам: *бы, пусть, пускай, да, давай*. Являясь средством выражения форм повелительного и сослагательного наклонений, в художественных текстах А.П. Чехова они используются в выражении широкого спектра субъективно-модальных значений: от мнимости до выражения надежды, от уступки до безразличия, от одобрения до недоверия. Обращается внимание на оттенки значений, присущих аналитическим сочетаниям, включающим модально-волевые и другие первообразные частицы. Каждая из частиц вносит в аналитический комплекс свой компонент значения.

Ключевые слова: модально-волевые частицы, субъективно-модальные значения, персуазивность, волеизъявление, согласие, необходимость, желательность.

MEANINGS OF MODAL PARTICLES IN PROSE OF A. CHEKHOV

N. Dolgova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. In the article, we considered a complex of subjective-modal meanings which are inherent to modal particles *by, pust', puskay, da, davay*. As a means of expressive forms of the imperative and subjunctive moods, in literary texts by Anton Chekhov they serve to express a wide range of subjective-modal meanings from imaginary to expression of hope, from concession to indifference, from approval to mistrust. In the article, we draw attention to shades of meaning that are inherent to the analytical combinations, including modal and other antiderivative particles. Each of the particles introduced their component of meaning into the analytical complex.

Keywords: modal particles, subjective-modal meanings, persuasiveness, the will, agreement, necessity, desirability.

Одной из актуальных проблем современного языкознания является изучение способов и средств выражения модальности. Под модальностью понимается отношение «говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [8, с. 214]. Различают несколько видов модальности: объективную, субъективную, предикатную. При этом главную роль отводят объективной модальности, называя её, в отличие от остальных двух, обязательной для предложения. Однако в последнее время всё больше исследований посвящено описанию субъек-

тивной модальности и способов её выражения. Русской грамматикой в качестве одного из главных средств выражения модальных значений выделяются частицы, представленные в следующих группах: модальные; формообразующие; отрицательные; вопросительные [7, с. 724].

На модальные частицы как особую группу, их сходство с модальными словами обратил внимание В.В. Виноградов, отмечая их схожие функции в выражении субъективной модальности [1, с. 594].

В учебных и в научных описаниях в класс модальных частиц часто включаются формообразующие – *бы, пусть, пускай, да, давай*, – которые по традиции относят к модально-волевым.

В данной статье анализируется использование этих частиц для выражения различных модальных значений: волеизъявления говорящего, побуждения им к чему-либо адресата в виде пожелания, просьбы в различной степени категоричности.

Частица *бы* в своём основном значении участвует в образовании формы сослагательного наклонения со значением возможности действия: *А то бы я взял... Жена страсть как любит ихнего брата – котов!* [14, т. 1, с. 127], или, при наличии частицы *не*, его невозможности: *Не стала бы я из-за какого-нибудь рубля переживать подобное... глупое положение...* [14, т. 2, с. 381]. В большом количестве случаев *бы* в данном значении используется в текстах А.П. Чехова в сложных предложениях, где реальность противопоставляется возможному развитию событий: *«Не будь я её мужем, я выдал бы её...»* – подумал он, прочитав объявление епископа (Грешник из Толедо).

(бессоюзное предложение со значением обусловленности); *Ему самому следовало бы поиграть Гамлета, хоть Гамлет и плохо вяжется с горбом и со спиртом, который забывает записать бутафор* (Гамлет) (сложноподчинённое с придаточным уступки); *Я бы сам к Вам поехал, да конфузлив очень и смелости не хватает* (Письмо к учёному соседу) (сложносочинённое предложение с противительными отношениями). Как видно из примеров, *бы* используется в предложениях для своего рода желания что-либо сделать, которому препятствуют какие-либо обстоятельства; оговорки, уступки.

Формы с частицей *бы*, помимо выражения положительной и отрицательной возможности действия, используются также в значении желательной необходимости действия [6, с. 38]: – *Хорошо бы получить отпущение грехов!* – вздохнул Спаланцо (Грешник из Толедо); *Он обнял бы Ивана Петровича, но... начальников обнимать так неловко!* (благодарный); или просьбы, пожелания: *Говорили бы прямо, Иван Федорыч, без экивок!* (Папаша); *Вообще я просил бы вас не беседовать со мною... Я сегодня не в духе* (Петров день).

В различении данных переносных значений важную роль играет персональность предложения: желательность, как правило, выявляется в предложении с первым и третьим лицом, пожелание – со вторым лицом.

Интересной представляется трансформация значения частицы *бы* в аналитических сочетаниях различной степени сложности: (*как*) *будто бы, лишь бы, хоть бы, если бы, во что бы то ни, кто бы то ни*.

Частица *будто бы* (как *будто бы*) придаёт высказыванию предположи-

тельный характер, значение неуверенности, сомнения в сообщаемом: *Я как будто бы просветлел. Я увидел в человеке такие чудные качества, каких ранее и не подозревал; Пахнет лесом, ландышами, дѣтjem и как будто бы чуточку хлебом* [14, т. 2, с. 26, т. 1, с. 247]. Однако в текстах А.П. Чехова *будто бы* чаще вносит значение мнимости описываемого: *Вы сочинили и напечатали в своём умном сочинении, как сказал мне о Герасим, что **будто бы** на самом величайшем светиле, на солнце, есть чёрные пятнушки; – И это воля папы! – говорила она нам, и говорила с некоторою гордостью, как будто бы совершила какой-нибудь громаднейший подвиг* [14, т. 1, с. 12; Т. 1, с. 164]. Включая частицу в повествование, автор тем самым выражает несогласие с точкой зрения собеседника, считает её несостоятельной, мнимой. В редких случаях частица участвует в создании риторического восклицания, которым говорящий отрицает какой-либо факт: *Как будто бы я не знаю, что можно, чего нельзя. Можно, Иван Федорыч!* [14, т. 1, с. 31].

Сочетания *лишь бы* или *хоть бы* используются для выражения желательности: *Пуццай будет Измученков... Как хочешь, **лишь бы** вылечил...; За отпущение грехов Спаланцо готов был отдать всё, **лишь бы** только освободить свою душу от воспоминаний о позорном толедском житье и избежать ада; Говорил он эти слова сухо, холодно и резал ими несчастную старуху. **Хоть бы** одно слово надежды!; И **хоть бы** сконфузилась, подлая! – сказал Грябов, ползая в воду и крестясь.* [14, т. 1, с. 197, с. 114, с. 400]. С помощью данных аналитических сочетаний говорящий акцентирует внимание на той части вы-

сказывания, которая является для него наиболее важной. В использовании данных частиц Чеховым просматривается некоторая закономерность: *лишь бы* чаще используется, когда говорящему безразлично остальное, кроме предмета разговора, в то время как *хоть бы* предполагает другое противопоставление: действия, к которым относится данное аналитическое сочетание, являются желаемыми для него, но они противоречат реальному положению вещей.

В представленных аналитических сочетаниях отчетливо проявляется эмоциональное отношение говорящего: предмет разговора является для него наиболее желаемым, а вариант развития действий, в котором желаемое достается, видится наиболее положительным.

Фразеочастица *во что бы то ни трактуется* во фразеологическом словаре под ред. А.И. Фёдорова как сочетание, имеющее значение выполнения чего-либо «непременно, при любых обстоятельствах, несмотря на преграды» [10, с. 654]. Действительно, высказывания с данным фразеологическим элементом призваны акцентировать внимание на том, что является наиболее важным в данный момент речи, но при этом меняется градус беседы: если выражения с *хоть бы*, *лишь бы* выражают лишь надежду на движение в сторону наиболее желаемого развития действий, то *во что бы то ни* используется с целью показать готовность субъекта пойти на определённые меры для достижения цели, при этом для него несущественны ни обстоятельства, ни лица, участвующие в данном событии: *Мне захотелось **во что бы то ни** стало настоять на своём; 4-го*

декабря, на Варвару, Зрякина именинница – и стихи должны быть в печати **во что бы то ни стало**... [14, т. 1, с. 435; т. 2, с. 342]. Выражение *кто бы то ни* обладает схожим значением указания на любое предполагаемое лицо, кого угодно: *Когда кто-нибудь (кто бы то ни было) скажет ложь, он поднимает голову и, не глядя ни на что, не смущаясь, говорит: – Неправда!* [14, т. 1, с. 246]. Примечательно, что данные частицы обычно прикрепляются к глаголам *было* и *стало*, которые, в свою очередь, теряют свою однозначность рядом с данными элементами.

Участвующая в аналитическом сочетании частица *бы* служит выражению не только объективно-модального значения ирреальности, но и субъективно-модальных значений персуазивности и эмоциональной оценки сообщаемого.

Частицы *пусть*, *пускай* и *пуццай*, использующиеся для образования форм императива, в своём основном значении вносят в текст некую торжественность, возвышенность: *Идите прочь! Пусть наказанием послужит вам моё презрение! Пуццай тебе на том свете так будет злодею, как ты высосал меня всю!* [14, т. 2, с. 316; т. 1, с. 271]. Помимо выражения императивности, этим частицам присущи и другие значения. Среди них угроза: *А пусть он не ревёт. .. Замолчи! Высеку!*; принятие чего-либо нежелательного для говорящего: – *Пусть нас поругают, – говорю, – побьют, выгонят даже, да зато мы счастливы будем!*; примирение с происходящим: – *Как вам угодно-с. .. Пускай...*, выражение пожелания: *Пусть глупый отец узнает, как глуп его сын!* [14, т. 1, с. 283; т. 2, с. 155; т. 1, с. 96; т. 2, с. 336].

Функции примирения, уступки отмечает в своих работах Е.А. Николаева. По её мнению, конструкции с *пусть* и *пускай*, разворачивая дальнейшее повествование, заключают в себе «модальные контексты потенциальной направленности» [5, с. 24]. Предложение, содержащее в себе частицу *пусть* / *пускай*, допускает развитие событий по сценарию, невыгодному говорящему. Ставя на первое место значение допущения, автор отмечает также дополнительные оттенки желательности–нежелательности, принятия–непринятия, а также безразличия. В подобных случаях частица приобретает функции союза, становясь, таким образом, гибридной частью речи.

Частицы *пусть*, *пускай* (*пуццай*) не вступают в аналитические сочетания, лишь изредка «соседствуя» с другими частицами: *Пусть хоть порядочной обстановкой заглушит своё горе; Но пусть же недаром клеветают эти подлые люди! Пусть недаром смеются они над нами...* [14, т. 1, с. 376; т. 1, с. 323]. Как видно из приведённых примеров, частицы, находясь рядом, не образуют единого комплекса, каждая сохраняет свои значения.

Да и *давай*, как и предыдущие частицы, используются для побуждения к действию с оттенками настойчивой просьбы, приказания, пожелания: *Ну, давай решать сообща... Что делать?; Хе, хе, хо... Небось, скука в этом Курске? Да вы скидайте шляпу! Вот так, не стесняйтесь!* Частица *да* используется также для подчёркивания высказывания: – *Да ты с дерева сорви!* – *подзадоривала шёпотом девка;* или выражения сомнения по поводу истинности какого-либо факта, события: – *Да вы думаете, мы много брали,*

што ли? – ответил парень и отчаянно махнул рукой [14, т. 1, с. 362, т. 2, с. 61, т. 1, с. 41, с. 43].

Значение настойчивой просьбы усиливается в аналитическом сочетании *да... же*, в котором частицы расположены дистантно по отношению друг к другу: *Да что же тут не понимать! Астрономия тут, что ли; Пампушка, да будь же хоть отцом наконец, если не хочешь... не можешь быть мужем!* [14, т. 2, с. 326; т. 1, с. 27]. Объясняется это характером второго компонента, частицы *же*, являющейся усилительной.

Частица *да* активно взаимодействует с уступительными *ведь, хоть*: – *Да ведь и вы любите другую, – сказала она, потирая руки.; Да ведь за такие деньги не то что жениться, в Сибирь пойти можно!; Ладно... И погибну... За правду? Да хоть сейчас!* [14, т. 2, с. 155; т. 2, с. 186; т. 2, с. 295]. В подобных примерах с помощью сочетания усиливается противопоставление слов говорящего мнению собеседника, говорящий показывает свою уверенность в чём-либо противоположном.

Давай используется в значении побуждения к совместному действию: *Чтоб моя старуха не смеялась надо мной, давай хоть мы распишемся за них!.. Бери перо...; Милый брат! Я люблю тебя, и ты не можешь себе*

представить, какие адские муки доставляет мне наша ссора. Давай помиримся! [14, т. 2, с. 112; с. 27].

Однако чаще эта частица используется Чеховым в усилительной функции, в значении показателя интенсивного действия: *Вытащил я из кармана сто рублей, что мне граф прислал, поглядел на них и давай ногами топтать... Взял я ружьё, вышел с ним на огород и давай галок стрелять!* [14, т. 3, с. 386; т. 2, с. 175]. В данном случае частица указывает на своего рода внутреннее решение делать что-либо, причём это решение резкое. Эмоциональная оценка происходящего при этом может различаться от одобрительной до пренебрежительной.

Таким образом, модально-волевые частицы в текстах А.П. Чехова участвуют в выражении широкого спектра субъективно-модальных значений: от мнимости до выражения надежды, от уступки до безразличия, от одобрения до недоверия. В текстах Чехова отмечается широкое использование аналитических сочетаний односложных первообразных частиц, вносящих те или иные оттенки в общее значение аналитических комплексов, многосложные модально-волевые частицы встречаются в подобных сочетаниях реже.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
2. Канафьева А.В. Частицы как репрезентаторы модально-эмоциональных значений риторического высказывания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2009. № 2. С. 37-41.
3. Лекант П.А. Аналитизм в категории русских частиц // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2013. № 1. URL: <http://vestnikmgou.ru/Articles/View/295> (дата обращения: 20.03.2016)
4. Мелехова Л.А. Коннотация императива: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012. 19 с.

5. Николаева Е.А. Концессивно-модусные предложения с союзом-частицей пусть / пускай в языке поэзии: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2000. 170 с.
6. Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова / под ред. В.В. Морковкина. М., 2002. 421 с.
7. Русская грамматика. Т. 1 / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. 792 с.
8. Русская грамматика. Т. 2 / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. 717 с.
9. Современный русский литературный язык: новое издание: учебник / П.А. Лекант, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков и др.; под ред. П.А. Леканта. М.: Высшая школа, 2009. 766 с.
10. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 [2] с.
11. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Отв. ред. В.В. Виноградов М.: Азбуковник, 2003. 378 с.
12. Орехова Е.Н. Субъективная модальность: форма, семантика, функции: монография. М.: Изд. МГОУ, 2011. 296 с.
13. Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса. М.: Флинта: Наука, 2011. 184 с.

ИСТОЧНИКИ:

14. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 1. Т. 2. Т. 3. М., Наука: 1983.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (grammatical teaching about word)]. М., Russkii yazyk, 2001. 720 p.
2. Kanaf'eva A.V. Chastitsy kak reprezentatory modal'no-emotsional'nykh znachenii ritoricheskogo vyskazyvaniya [Particles as representator of modal-emotional meanings in rhetorical statements] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2009. no. 2. pp. 37–41.
3. Lekant P.A. Analitizm v kategorii russkikh chastits [Analytism in categories Russian particle] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Elektronnyi zhurnal). 2013. № 1. [Bulletin of Moscow Region State University (E-journal). 2013. no. 1]. URL: <http://vestnikmgu.ru/Articles/View/295> (request date 20.03.2016)
4. Melekhova L.A. Konnotatsiya imperativa: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [The connotation of imperative: candidate of Philological Sciences thesis]. М., 2012. 19 p.
5. Nikolaeva. E.A. Kontsessivno-modusnye predlozheniya s soyuzom-chastitsej pust' / puskaik v yazyke poezii: diss. ... kand. filol. nauk [Concessive-modus sentences with the conjunction-particle пусть / пускай in the language of poetry: candidate of Philological Sciences thesis]. Kazan, 2000. 170 p.
6. Ob'yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka. Strukturnye slova [Explanatory dictionary of the Russian language. Structural words]. М., 2002. 421 p.
7. Russkaya grammatika. T. 1. [Russian grammar. Vol. 1]. М., 1980. 792 p.
8. Russkaya grammatika. T. 2. [Russian grammar. Vol. 2]. М., 1980. 717 p.
9. Lekant P.A., Kasatkin L.L., Klobukov E.V. Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk: novoe izdanie: uchebnik [Modern Russian literary language: new edition: textbook]. М., Vysshaya shkola, 2009. 766 p.

10. Fedorov A.I. Frazеologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13000 frazeologicheskikh edinits [Phraseological dictionary of Russian language: approx. 13000 idioms]. M., Astrel': AST, 2008. 878 p.
11. Shvedova N.YU. Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi [Essays on the syntax of colloquial Russian]. M., Azbukovnik, 2003. 378 p.
12. Orekhova E.N. Sub"ektivnaya modal'nost': forma, semantika, funktsii: monografiya [Subjective modality: form, semantics, functions: monograph]. MGOU, Izd-vo MGOU, 2011. 296 p.
13. Solganik G.YA. Ocherki modal'nogo sintaksisa [Essays of modal syntax]. M., Flinta: Nauka, 2011. 184 p.
14. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem v tridsati tomakh. T. 1. T. 2. T. 3 [Complete works and letters in thirty volumes. Vol. 1. Vol. 2. Vol. 3]. M., Nauka, 1983.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Долгова Наталья Георгиевна – аспирант кафедры современного русского языка Московский государственный областной университет;
e-mail: dolgova_natalja@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia Dolgova – 2nd year postgraduate student, training specialty 45.06.01 – Linguistics and Literature, profile 10.02.01 – Russian language, Moscow Region State University;
e-mail: dolgova_natalja@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Долгова Н.Г. Значения модально-волевых частиц в прозе А.П. Чехова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 28-34.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-28-34

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Dolgova. Meanings of modal particles in prose of A. Chekhov // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 28-34.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-28-34